

В спектакле "Братья Карамазовы. Завтра суд" (антреприза В.Саркисова) Валерий Гаркалин играет Черта. Он появляется неожиданно — приподнимается край занавеса, и мы видим странного господина — в приподнятой краем куртке и нелепой дамской шляпке. Еще минута — и начнется его убежденный, "истовый" монолог, обращенный, скорее, в зал, нежели собеседнику. Внимательно выискивая в каждом зрителе потенциального оппонента, Черт — Гаркалин именно в нем сеет искры сомнения. Он ничем не напоминает "ночной кошмар", напротив, иногда кажется реальнее самого Ивана Карамазова. Глядя на него, хочется перефразировать слова Достоевского — если бы того света не существовало, ради такого Черта его стоило бы выдумать.

Майя ФОЛКИНШТЕЙН

Как драматический артист, Гаркалин состоялся на сцене Театра сатиры, но его нынешнюю славу составили в немалой степени роли в спектаклях театра-студии "Человек" под руководством Л.Рошкован и "Независимой труппы В.Саркисова". Органично входя в различные режиссерские системы, он каждый раз вносит в общее звучание собственную интонацию.

Впервые своеобразие актерской индивидуальности Гаркалина зрители ощутили на спектакле "Контракт" С.Мрожека, который был им поставлен и сыгран на малой сцене Театра сатиры вместе с Михаилом Зонненштрамелем.

Тогда, в 1988 году, мрожековский бум еще не достиг своего пика, и этот спектакль стал очередной попыткой найти "ключ" к подобной драматургии. На первый взгляд, в нем все противоречило букве автора. Декорации даже отдаленно не напоминали роскошные апартаменты отеля "Резиданс", где действовали герои Мрожека. Напротив, они были вызывающе скромны. Внешний антураж, похоже, совсем не волновал авторов спектакля. Гораздо важнее был нерв, пронизывающий эту пьесу. Здесь сталкивались и разбивались насмерть западный и восточный образ мышления, молодость и старость, свобода и комплексы. Гаркалин играл Магнуса, чело-

Сам по себе

Рубльтура. — 1996. — 15 июня. — с. 12

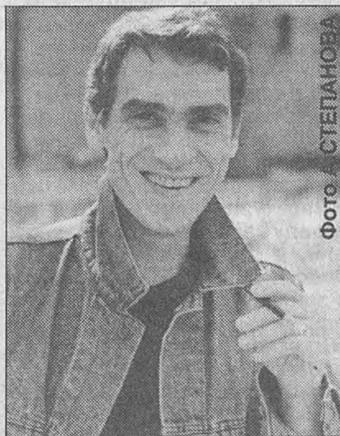

Фото А. СТЕПАНОВА

века другой, уходящей эпохи, стиль которой Мрожек определил несколькими словами — "изысканность, эlegantность, деликатность". Но вместо респектабельного господина перед зрителями предстала издерганная, закомплексированная марионетка. Правда, в этом позерстве можно было разглядеть тоску по человеческому общению.

Внимательный зритель сразу выделил Гаркалина из общего числа. Пришлась по вкусу резкая, эмоциональная, при этом достаточно трезвая манера игры и какая-то странность, нестандартность. Наличие полярных

эмоциональных регистров, возможно, сделало органично близкого артисту именно драматургию Мрожека, в пьесах которого широта славянской души всегда сочетается с изрядной долей иронии. Из мрожековских персонажей Гаркалина особого внимания достойна роль Второго господина в спектакле театра-сту-

дии "Человек" "Стрип-тиз".

Это вечный образ "жертвы системы", в котором, несмотря на фантазмагорическую ситуацию, можно найти массу узнаваемых черт. В жесткой структуре спектакля Людмилы Рошкован артист существует легко и непринужденно, сочетая мягкий юмор с горькой иронией. И когда в финале герой склоняется к Всемогущей руке, по отношению к нему испытываешь целую гамму чувств — от ненависти, почти отращения до искренней жалости.

Так уж получилось, что в поле зрения Гаркалина до недавнего времени попадали персонажи, сломленные обстоятельствами жизни, вынужденные постоянно доказывать свое право на существование. Тема преодоления комплексов, заявленная еще в "Контракте", нашла свое логическое продолжение в его последующих работах. Можно сказать, что в этом артисте уловил одну из основных тенденций сегодняшнего дня. Ведь внутренний излом, столь характерный для большинства его персонажей, присущ почти каждому сидящему в зрительном зале. Он надеется этим свойством практически неуязвимых героев. Даже Черт у Гаркалина при всей внеш-

ней уверенности испытывает некий дискомфорт и больше всего на свете желает воплотиться в душу какой-нибудь "семипудовой купчихи".

А вот Петруччо из "Укрощения строптивой" возник, словно вопреки времени. Точно уловив зрительское желание вырваться за его пределы, театр подарил им этот тонкий, умный и ироничный спектакль в постановке В.Плучека. На первый взгляд кажется, что Петруччо Гаркалина — подлинный человек эпохи Возрождения, свободный, раскованный, лишенный предрассудков. Но признавая его незаурядность, может быть, впервые задумываешься о жестокости шекспировской истории. Ведь в ней, равно как и в спектакле Театра сатиры, речь в первую очередь идет об утолении собственных амбиций, желаний во что бы то ни стало доказать свое превосходство, разыграв при этом ни в чем не повинную Катарину, как игральную карту. На все происходящее Петруччо Гаркалина смотрит чуть-чуть со стороны, как автор этой авантюры. Лишь иногда в нем прорываются искры зарождающегося чувства.

Но в финале во время монолога Катаринины на лице героя появляется лукавая улыбка, поселяя в душе зрителя сомнения. Чем она вызвана — то ли гордостью за укрощенную жену, то ли радостью от удачно выигранного пари?

Петруччо и Магнус — разные полюса театральной биографии Валерия Гаркалина. По ним можно легко угадать не только внутреннее изменение самого артиста, но и метаморфозы времени, в котором мы существуем. Валерий Гаркалин необычайно чуток к его изгибам и перипетиям, именно здесь черпая необходимые составляющие для новых ролей.